

Кирюшатова Елизавета

**2 курс, Ленинградский областной колледж культуры и искусства,
Санкт-Петербург**

**Рецензия на спектакль «Чук и Гек» (Новая сцена
Александринского театра, режиссер - Михаил Патласов**

Спектакль «Чук и Гек» – работа Михаила Патласова совместно с драматургами Андреем Совлачковым и Алиной Шклярской.

История Гайдара о братишках Чуке и Геке видится читателю тёплой, трогательной сказкой. Казалось бы, что же может быть в ней страшного!?

Однако режиссер находит в этой истории нечто страшное и трагическое. И это благодаря тому, что помимо самого рассказа, в постановке представлены документальные свидетельства и дневниковые записи людей репрессированных, прошедших сталинские лагеря.

Сцена разделена на две части. Первая – «идеальная», в ней Чук и Гек становятся как бы мультяшными героями, рисованными иллюстрациями. Здесь и сам Аркадий Гайдар – добрый дядя-сказочник, рассказывает историю о двух мальчиках, отправившихся с мамой в гости к папе, который работает очень далеко, в лесу возле Синих гор. И все очень хорошо, все счастливы и довольны.

Совершенно обратную картину мы видим в глубине сцены. Актеры, находящиеся там, повернуты спиной к зрителю, они обращены к камерам. На сером бетонном экране проявляются настоящие, невыдуманные истории. Один за другим люди с экрана рассказывают о своей судьбе – это документальные сведения о жертвах сталинских лагерей и репрессий.

События происходят на сцене и на экране. Два сюжета существуют одновременно – условно, «рай» и «ад». С одной стороны, это мультяшные герои с выдуманными именами, а с другой – чудовищные истории реальных людей. Видео-истории подкреплены именами людей и судебными приговорами. Истории идут параллельно, но с развитием сюжета одна

переходит в другую. А сверху, на возвышениях, работники госаппарата рассказывают, как они вынуждены были убивать и раскулачивать, и ведь не по своей воле, по государственной. Тут и усатый дяденька в поезде, который так напугал Чука, становится товарищем Сталиным и обращается к нам с экранов.

Сценография спектакля совсем минимальная, в декорациях нет пафоса и ярких символов, они просты и лаконичны: это и маленькая квартира Чука и Гека, и пространство за сценой, со спиленным деревом, и огромный макет железной дороги, ведущей от московского Кремля до Сибири. По этой железной дороге ехали «игрушечные» Чук и Гек к папе. Аркадий Гайдар, как некий волшебник, кружит вокруг этого макета и создает милый, добрый образ счастливого советского детства.

А ведь Гайдар не мог писать в то время о происходящих событиях открыто, автор скрывается за детской литературой, как за маской. Вот и здесь, в спектакле, первый, внешний образ – детский, а за ним суровые, жестокие факты. И в финале актеры, наряженные в маски, радостно и весело говорят о страшном.

В отличие от Гайдара, режиссер говорит обо всем открыто, он просто не может про это не говорить. И перед актерами стоит сложная задача: они должны играть и людей с экранов, и счастливых героев, и самих себя. Сейчас, считает режиссер, тот самый момент, когда мы можем обратиться к этой проблеме, разобраться в её корне. Дневниковые записи, свидетельства очевидцев – мы не должны этого забывать. Невозможно забыть, оставить эту проблему, ведь до сих пор это живо и в нас самих.

«Это надо знать. Это же очень поучительно. Это же источник понимания твоих родственников, природы человеческой. Нам нужна правда о репрессиях. В спектакле мы намеренно оставляем реальные фамилии всех и авторов, и тех, кто упоминается в воспоминаниях. Мы увидим фамилии тех, чьи дети сейчас занимают высокие посты», – из интервью Михаила Патласова, опубликованного в интернете.

Едут мальчики с мамой к папе в гости, а на экране истории, истории просто чудовищные, о ссылках в Сибирь, о предательстве детьми своих же родителей, о доносах, о том, как человек перестает быть человеком. Свобода – высшая ценность! Человек с экрана рассказывает о том, как отвезли его в лагерь, все острые предметы забрали, чтобы он не покончил с собой. Забрали всё, но крючочек, один крючочек от ботинка он все же смог припрятать, выпрямил, заточил и хранил у себя. Хотел ли он умереть? Нет! Зато он понимал, что в любой момент может прекратить свою жизнь, и это зависит только от него, а не от кого-то другого.

Сильная актерская работа, яркая пластика, мимика, голос – позволяют четко выделить двойную форму спектакля. Плюс видеосъемка, очень качественные кадры, стилизованные как под детскую программу с вырезанными окошками, так и под советские кинохроники.

Образ Агнессы Мироновой-Король – жены комиссара государственной безопасности – очень ярко передан актрисой Ольгой Белинской. Через нее мы видим страдания людей разных сословий. Она и возвышается над остальными, и остается равной. Да, она во всем пытается найти себе выгоду, пытается даже в ссылке создать себе комфортные условия, но образ человека-борца, борца за свободу рисуется в ней особенно ярко. Именно она первая выходит в прямой монолог к зрителю без видеокамер.

Дарья Степанова, играющая роль матери Чука и Гека, становится матерью всеобщей, одновременно всеми матерями из документальных хроник. Выдуманный мальчик Гек читает совершенно реальный стих пионера-героя Прони Колыбина о матери-предательнице, которая хлеб ворует у колхоза:

Злой вредитель ты колхоза,
Мать, ты враг колхозу злой,
А не любишь раз колхоза,
Не могу я жить с тобой...

Мать забирают, а Проня становится героем и едет в Артек.

Две истории, шедшие параллельно, сливаются в одну, но все же находятся в конфликте друг с другом. И там, где у Гайдара радостная встреча ребятшек с папой, у Палтасова происходит страшное празднество героев в масках старух вокруг елки вместе с жутким рассказом о насилении женщин в лагерях, а затем суд, в тех же масках. А преподносится это через призму праздника, мол здорово все, мы счастливы и довольны. Активно жестикулируя и говоря радостным, праздничным голосом, актеры зачитывают приговор: 25 лет лагерей вместо расстрела.

Перед нашим взором проходит большое количество историй, искалеченных судеб.

Под конец, оставляя разговор с видеокамерой, актеры выходят на авансцену и говорят теперь напрямую со зрителем, это уже не образы с экрана, это образы реальных людей, судеб, которые нам так умело передают создатели спектакля.

После спектакля меня еще долго не отпускает эта тема, я пытаюсь найти больше информации, расспрашиваю маму об историях из нашей семьи. Ведь все это реально, все это живо и по сей день.

И я считаю, что этот спектакль нужен.